

Блохин В.Ф., доктор исторических наук, профессор, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

РЕАЛИЗАЦИЯ НОВОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОДЕЛИ УПРАВЛЕНИЯ ПЕЧАТЬЮ В УСЛОВИЯХ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1914 – 1918)^{2*}

Автор статьи показывает возможности, которыми обладала в период Первой мировой войны периодическая печать. При этом внимание сосредоточено не на формировании ею суждений о наиболее значимых и актуальных проблемах, событиях и фактах, а на вопросах, связанных с особенностями взаимоотношений прессы и военной цензуры. Очевидно, что вслед за властными структурами служащие цензурного ведомства отчетливо представляли роль газет и журналов в качестве одного из важных факторов воздействия на общественное сознание, видели в них проводников необходимых настроений. Военная цензура выступала в качестве инструмента, при помощи которого предпринималась попытка через периодические издания конструировать или хотя бы корректировать характер существовавших отношений и оценок. В статье на конкретных примерах показан механизм, позволявший российской цензуре в условиях войны выходить за пределы главного своего назначения по сохранению военной тайны, корректируя существовавшие общественные отношения. Если первая ее функция не вызывала в обществе возражений и поддерживалась печатью, то против неминуемых издержек, вызываемых попытками формирования настроений в обществе, выступала как российская пресса, так и Государственная Дума.

Ключевые слова: Российская империя, Первая мировая война, Государственная Дума, периодическая печать, Временное положение в военной цензуре, военная цензура, общественное мнение.

DOI: 10.22281/2413-9912-2023-07-04-45-52

Введение. Для достижения победы в Первой мировой войне требовалась обязательная массовая поддержка населения, более основательная, чем та, которой обладали противники. Решить эту задачу можно было в том числе за счет установления нормальных отношений между правительством и периодической печатью. Российские власти с момента начала мобилизации приступили к масштабным преобразованиям в вопросах контроля над публичным пространством, в области создания новых образцов взаимодействия с общественным мнением.

Применительно к печатной продукции основной механизм введения военной цензуры заключался в том, что 20 июля 1914 г. в дополнение к основному цензурному законодательству были приняты «Временные положения о военной цензуре», распространявшиеся на печатные издания, эстампы, рисунки, фотографические снимки, конспекты публичных речей и докладов. В районах, подпадавших под категорию «находившихся на военном положении», она вводилась в «полном объёме» [12, д. 715, л. 1], т. е. все материалы до выхода в свет или до произнесения в

виде публичных выступлений должны были просматриваться военными цензорами.

На остальной территории страны была введена «частичная цензура», которая применительно к печатной продукции предусматривала необходимость предоставления издателями на утверждение только материалы, содержавшие военные сведения. За несоблюдение этих правил предусматривались денежные штрафы от 500 до 10000 руб. или заключение в тюрьму сроком до одного года. При повторном нарушении закона выход в свет периодического издания мог быть приостановлен на период от одного месяца до одного года [15, д. 2956, л. 9].

Еще одной особенностью отношений между военно-цензурными структурами и печатью являлся выпуск специальных уведомлений о том, что освещение того или иного события не отвечает задачам ведения войны и в целом национальным интересам. В России за период с 1912 г. и до начала военных действий было создано три сменявших друг друга перечня сведений, не подлежащих оглашению. По справедливому суждению П.В. Батулина – автора статьи, посвященной истории принятия

* Статья написана при поддержке Российского научного фонда (проект № 22-28-00900 «Российская периодическая печать и цензура на театре военных действий как индикаторы общественно-политических настроений и практик (1914–1917 г.)»).

© Блохин В.Ф.

© Blokhin V.F.

перечней и их содержанию, эти документы «имели целью обеспечить секретность, но благодаря заложенным в 1912 г. структуре и исключительно военному характеру, не теряли из виду нужды печатной гласности» [1, с. 155].

Действительно, обновляемые каждый год перечни были нацелены на сохранение военной тайны, не претендуя на достижение политических целей, хотя такого рода попытки регулярно наблюдались со стороны Главного управления по делам печати, Департамента полиции, губернских администраций, да и военных структур.

Объект и методы исследования. В военных конфликтах прошлых лет плохо контролируемая пресса иногда допускала распространение считавшейся секретной информации. В условиях масштабной Первой мировой войны определенная общность взглядов цензуры и прессы обеспечивалась серьезностью наказания, а также установленным согласием военных властей и представителей печати. Однако с регулярной неизбежностью возникали ситуации, когда со стороны цензуры и печати допускались разного рода ошибки. Этот фактор отмечает большинство современных исследователей [10, 5, 3] проблемы: «Печать с первых дней войны страдала от непоследовательности и избирательной жёсткости военной цензуры» [3, с. 100].

В то же время в документах штабов армий, военных округов, в состав которых входили цензурные отделения и комиссии, регулярно отмечалось недостаточно высокое качество исполнения военными цензорами их обязанностей, указывалось на необходимость строгих наказаний виновных за допущенные промахи, вплоть до предания их суду.

Автор статьи анализирует содержание произведений печати как результат ее не всегда свободного взаимодействия с военно-цензурными структурами Российской империи, порождавшего возникновение неминуемых столкновений с запретами и ограничениями. Российская пресса видится также как обособленная система, в которой, по мнению немецкого социолога Н. Лумана (Niklas Luhmann), происходило конструирование реальности, с последующим формированием на ее основе общественного мнения: «Цензура могла действовать только по правилам массмедиа: она

должна была содействовать созданию желаемых конструкций и исключать независимую информацию, которую итак едва ли можно было бы добыть» [7, с. 19].

Специальные общеисторические методы исследования: проблемно-хронологический и историко-генетический помогли выстроить изученный документальный материал, проанализировать тексты периодических изданий, показать их связь с общественно-политической и экономической ситуациями в стране.

Результаты и их обсуждение. Закон о цензуре был принят в спешном порядке без участия Государственной Думы, которая 14 июня 1914 г., т. е. незадолго до начала войны, окончила свою вторую сессию и собралась 26 июля 1914 г. лишь на чрезвычайное однодневное заседание. Высочайше утвержденное 20 июля 1914 г. Временное положение о военной цензуре, в соответствии с законом, имело право на существование только два месяца после возобновления работы Государственной Думы. В течение этого срока, который в данном случае истекал 27 марта, законопроект должен был поступить на утверждение в законодательный орган. Однако Дума приступила к обсуждению закона о военной цензуре лишь в конце июля 1915 г.

Таким образом, Положение о военной цензуре в неизменном виде просуществовало в течение целого года войны, но и в самом начале его действия, и к моменту обсуждения ключевой являлась практически одна статья закона – тридцать первая. Она входила в главу IV «О военной цензуре произведений тиснения на театре военных действий» и была сформулирована следующим образом: «Военным цензорам вменяется в обязанности не допускать к опубликованию путём печати всякого рода сведений, хотя бы и не предусмотренных правилами, издаваемыми на основании ст. 11 сего положения, но которые могут, по мнению цензора, оказаться вредными для военных интересов государства» [18].

Практически эта статья заключала в себе возможность, как это собственно и было обозначено в статье закона, цензорского вмешательства в содержание публикаций в печати. Вновь появилось определение, вокруг которого было немало дискуссий в предыдущие периоды действия российского цензурного законодательства

– «вредное для интересов государства».

При обращении к богатой цензурной истории XIX века невольно возникает аналогия, связанная с действием «Временных правил о цензуре и печати», принятых 6 апреля 1865 г. и предусматривавших отмену предварительной цензуры для периодических изданий Петербурга и Москвы. За сорок последующих лет с момента принятия этого закона, использовались прописанные в нем административные меры наказания за так называемое «вредное направление».

Смысл этого понятия тогда специально не был конкретизирован. В дальнейшем, вплоть до 1905 г., в законодательство о цензуре было внесено большое количество изменений и дополнений, но «вредное направление» сохранялось в качестве главного основания для наказаний [2, с. 109]. Это определение (суждение, усмотрение, положение, видение, условие) или эта точка зрения (концепция, мифология, формула), наконец, этот термин (подход, постулат, принцип) – все приведенные синонимы отражают многообразие смыслов, заложенных в приведенной формулировке, поскольку ее понимание не было застывшим и трансформировалось вместе с изменением печати, игравшей всё более важную роль в формировании общественного мнения.

Представленная статья посвящена раскрытию на конкретных примерах некоторых особенностей реализации 31 статьи Временного положения о военной цензуре.

Наличие особых полномочий, ориентированных на личное усмотрение, делало некоторых военных цензоров «излишне чувствительными» к материалам, публикуемым в печати. К тому же провинциальная и столичная пресса находились в разном положении. В Петрограде с самого начала войны было установлено строгое разграничение в цензуре. Офицеры читали лишь материалы газет, непосредственно затрагивавшие военные вопросы, а чиновники Главного управления по делам печати, назначенные на должности военных цензоров, но работавшие на основе непосредственных указаний своего гражданского начальства, обращали особое внимание на публикации, посвященные вопросам внутренней политики.

В провинции же гранки статей со ссылками на столичные газеты, не относившиеся к

военным вопросам, отсылались в редакцию со штампом «не подлежит военной цензуре» [13, д. 1568, л. 26–26 об.]. Объяснялась такая ситуация невозможностью привлечь достаточное количество подготовленных цензоров для анализа политических вопросов. Были и обратные случаи, когда опубликованные в провинциальных газетах материалы неожиданно запрещались в центральных изданиях. Действия цензоров при этом ставили в тупик редакторов, которые не могли уловить причину вмешательства контролировавшего органа в содержание готовившихся к выпуску изданий.

Например, для одобрения со стороны цензуры в газету «Новое время» в № 14454 от 3 июня 1916 г. был направлен материал, предназначенный для раздела «Внутренние известия». В нем со ссылкой на «Сибирскую жизнь» рассказывалось о том, что в Томске появились в большом количестве российские лапти, которых Сибирь никогда не знала. Спрос на лапти был столь велик, что полученные одной из местных мануфактурных фирм несколько сот пар были распроданы в течение одной недели. Много такой обуви отправлялось и в деревню, до сих пор ею не пользовавшуюся. Лыковые лапти выписывались преимущественно из Вятской губернии.

В статье также был задействован материал газеты «Костромской курьер» отмечавшей факты спекуляции лавочниками этим товаром. «В Костроме на улицах и на бульварах стали попадаться уже многие барыни и барышни, гимназисты и гимназистки обутыми в лапти. Цена на лапти возросла до 50 и даже до 80 коп. за пару» [16, д. 171, л. 50].

«Новое время» не без иронии отмечало, что есть на Руси и принципиальные противники лаптей, приведя выдержки из статьи еще одной провинциальной газеты под названием «Саратовский листок». В ней рассказывалось о «солидном казённом кредитном учреждении Саратова», в котором случился непредвиденный эпизод. «Управляющему бухгалтерией было доложено, что один из служащих кассового отдела уже третий день посещает занятия в простых лыковых лаптях. Носитель лаптей немедленно был вызван в кабинет управляющего, где после соответствующего внушения служащему было предложено или немедленно снять лапти и являться на службу в штиблетах, или подать прошение об увольнении» [16, д.

171, л. 50]. Полученные от служащего оправдательные объяснения о том, что, имея всего 23 руб. в месяц жалованья, он должен был помогать престарелой матери и двум проживавшим с ним младшим братьям, на начальника не подействовали.

Весь этот материал газеты «Новое время» был перечеркнут цензором, вероятно, воспринявшем его как попытку ироничной критики властей, поскольку солдатские сапоги, а вслед за ними и вообще все изделия из кожи уже в первые месяцы войны превратились в предмет острого дефицита. Даже в начале мобилизации у новобранцев, призываемых на действительную военную службу, непосредственно в войсковых частях приобретались по твердым ценам принесённые ими вполне годные к употреблению вещи: «сапоги, полушубки, рубахи, исподние брюки, утиральники, носовые платки, портянки, шерстяные фуфайки и рубахи, наушники, башлыки, рукавицы и варежки, шаровары, кожаные поясные ремни» [6, д. 1152, л. 129]. Владелец всего этого набора одежды мог получить около 30 руб., т. е. сумму, превышавшую месячное жалованье упомянутого саратовского чиновника.

К объективным причинам, вызвавшим дефицит одежды и обуви, следует отнести масштабную мобилизацию, проведенную в короткие сроки. Председатель Московского комитета по делам печати А.А. Сидоров вспоминал о своем присутствии при приезде после начала войны Николая II в Москву. Император производил в Манеже смотр запасным, которые были призваны в войска: «По недостатку у интендантства форменной одежды установленного образца запасные были в разнообразных формах. Рассказывали, что царь обратил внимание на это разнообразие обмундирования и спросил командующего войсками генерала Сандецкого* о причинах такого разнообразия. Говорили, что генерал Сандецкий ответил: "Чтобы показать Вашему величеству различные образцы форм"» [17, с. 96]. В данном случае находчивость командующего войсками Московского военного округа сняла возникший вопрос, но сама проблема снабжения армии от этого не стала менее острой.

Призывались в армию миллионы из числа трудоспособного населения и за короткий промежуток времени их требовалось снабдить всем необходимым. В конце февраля 1915 г. Верховный главнокомандующий русской армией великий князь Николай Николаевич обратился с письмом к председателю Совета министров Ивану Логгиновичу Горемыкину, в котором, ссылаясь на недостаточную обеспеченность потребности действующих армий, просил обсудить вопрос о возможном широком привлечении к делу снабжения земских и общественных организаций, располагавших на местах опытными кадрами агентов, отсутствовавших в военном ведомстве [11, д. 850, л. 416].

В письме говорилось об особой потребности в сапогах, в конских подковах и в мясе. Для полного удовлетворения армии обувью требовалось сверх поставляемых на тот момент – миллион пар сапог *ежемесячно*. Для сравнения, в мирное время интендантство заготавливало всего один миллион шестьсот тысяч пар сапог *за целый год* [11, д. 850, л. 418].

Требовалось также получить до миллиона подков и ежемесячно еще дополнительно производить не менее пятисот тысяч штук. Наконец, потребность в мясе выражалась в огромной цифре – *пятнадцать тысяч голов крупного рогатого скота ежедневно* [11, д. 850, л. 417–417 об.].

Отвечая на основной вопрос, затронутый Верховным главнокомандующим, связанный с привлечением общества к решению проблем снабжения армии, Совет министров констатировал: «Конечно, трудно ожидать, чтобы, при всех усилиях общества, оно могло оказать исчерпывающее, в области снабжения наших армий, содействие, но несомненно, что широкое участие в этом деле общественного элемента, – помимо бесспорной практической его пользы, во всяком случае обезопасит правительство от неизбежных, при сложности обширности предстоящих заготовлений, нареканий» [11, д. 850, л. 419 об.].

Однако прозвучавшие в докладе Совета министров «О некоторых мерах по снабжению действующей армии. Особый журнал Совета министров 6, 10 и 17 марта 1915 года»

* Александр Генрихович Сандецкий – генерал от инфантерии. С 19 июля 1914 г. по 24 апреля 1915 г. во время мобилизации временно командовал войсками Московского военного округа, а до этого и с августа 1915 г. являлся начальником Казанского военного округа.

здоровые подходы к решению важных проблем налаживания обеспечения российской армии, практически не получили намеченной реализации. На наш взгляд, серьезным упущением выступала вполне оцененная, но не реализованная задача предотвращения критики правительства, путем разделения ответственности со всеми существовавшими на тот период общественными организациями.

Лишь 7 июня 1915 г. Николай II утвердил положение об Особом совещании для объединения мероприятий по обеспечению действующей армии предметами боевого и материального снабжения. В его состав входили председатель и четыре члена от Государственной Думы, четыре от Государственного совета, а также еще четыре представителя от торговли и промышленности. В Особом совещании были представлены сотрудники различных министерств: морского, финансов, путей сообщений, а также государственного контроля. Эта административная структура обладала правом требовать от предприятий, принадлежавших частным обществам, товариществам, а также отдельным лицам, преимущественного исполнения поступающих от него заказов [11, д. 850, л. 666].

С момента официального утверждения этой организации прошел год, но стоявшие перед ней острые вопросы снабжения так и не были решены. Пришлось в очередной раз прибегнуть к помощи военной цензуры с тем, чтобы исключить поводы для правительственной критики, поэтому казавшаяся не более, чем любопытной, статья о лаптях вызвала отрицательную реакцию военного цензора.

Возвращаясь к зарплате чиновника, о которой было сказано в статье «Саратовского листка» и «Нового времени», можно привести следующие цифры, которые колебались, но главным образом в сторону увеличения: обувные изделия, которые раньше имели цену 4-6 руб., стали стоить 15-18 руб., стоившие 8-11 руб., достигали цены в 30 руб., «да и то товара в некоторых городах почти нет» [8]. Семья из четырех человек, о которой шла речь в «Саратовском листке», из-за обувного дефицита и при такой зарплате оказывалась в очень тяжелом финансовом положении.

Автор статьи в газете «Минский голос» по поводу высокой стоимости обуви иронизировал: «Не в лаптях же, в самом деле, ходить

всем этим мелким чиновникам, учителям, конторщикам и тому подобному люду, получающему гроши!» [8]. В Саратове это как раз и произошло, а в целом по стране заметную роль в решении проблем снабжения армии начал играть фактор субъективный, выразившийся в беспомощности властей, по-прежнему с опаской относившихся к возможности привлечения общественных институтов.

В начале 1916 г. военное ведомство заблаговременно начало подготовку к летнему периоду военной кампании и проводило в городе Смоленске «соревнование» (торги) на поставку «липовых лаптей с веревками при них для обматывания портянок или без веревок со сдачей всего количества не позже 15 марта в городах Брянск, Смоленск, Витебск, Минск и Могилев в интендантские вещевые склады через войсковые приемные комиссии» [9]. К соревнованию должны были быть представлены образцы лаптей. Лапоть требовался летний, обыкновенного «русского образца». Таким образом, выглядевшая просто забавной и в чем-то непонятной заметка, оказалась для опытного глаза цензора недопустимой для печати и была удалена.

На этом месте, поскольку военное командование требовало минимизировать количество «белых пятен» на страницах газет, возникавших на местах удаленных цензурой статей, в «Новом времени» была помещена другая публикация, также в разделе «Внутренние известия» и под названием «Читинские впечатления» [4].

Объемная статья, не подверженная цензурным замечаниям, имела довольно критичный настрой. В ней речь шла о столице Забайкалья – Чите, для которой китайская экспедиция и японская война были, по словам автора, временем рассвета в качестве тылового города, «ворочавшего миллионами». После окончания Русско-японской войны значение Читы опять свелось к роли чиновничьего центра, а на момент написания статьи и этому значению был нанесён тяжёлый удар: из Читы переведено управление Амурской железной дороги. Опустели дома, подешевели квартиры, обезлюдил «роскошные гостиницы», рассчитанные на деловую публику, приезжавшую в Читу для решения «железнодорожных вопросов».

Не блестящие дела городского управления грозили ему крахом. В городе не было ни одной мощёной улицы. Красивые здания, большие магазины – и тучи пыли, когда проедет один-другой извозчик. «А что делается, когда поднимется ветер, трудно себе представить. Мелкая песчаная пыль засыпает глаза, попадает в лёгкие. Дышать трудно. Город словно в тумане, читинцы по большей части носят очки от пыли, вроде автомобильных. Читинской пылью шутить нельзя: от нее слепнут и люди, и лошади. Нигде нет столько слепых лошадей, как в Чите...» [4]

Автор статьи также рассказывал о богатстве Забайкалья. Не только о многочисленных минеральных водных источниках, но и о золоте, других ископаемых, которые были в этом мало исследованном крае. Громадные пространства еще ждут хозяина, – вывод автора статьи.

В то же время, рассуждая о местном населении, газетная публикация сетовала по поводу увеличения в Чите числа китайцев. Окраины заселены ими, по всем улицам китайские мелочные лавочки или китайские лотки, в которых «на грош товара». «Теперь на китайской улице праздник: прежде старались ограничить жёлтое нашествие, теперь китайцев ввозят в Сибирь для замены выбывших на войну рабочих. Не к добру это, – говорят читинцы, – привезти "ходю" (*ходя* – китаец) легко, а избавиться от него трудно» [4].

Заключение (выводы). Таким образом, военная цензура по мере развития межгосударственного конфликта всё в большей степени выполняла функцию своеобразного инструмента, при помощи которого осуществлялись попытки корректировки существовавших отношений. Две статьи, сменившие друг друга из-за цензурного вмешательства в одном из номеров газеты «Новое время», на наш взгляд, иллюстрируют высказанное соображение.

Материал об использовании лаптей в качестве обуви во время войны выглядит для современного читателя не более как занимательным, хотя и связанным с очевидными трудностями, которые испытывало население во время войны. Однако статья была полностью удалена цензором, усмотревшим в ней намеки на бездеятельность властей, не сумевших решить проблему обуви для армии и населения не только на начальном этапе

войны, когда проходила массовая мобилизация, но и в дальнейший период, несмотря на предпринятые административные усилия.

Содержание статьи о посещении столицы Забайкалья, хотя и представленная в виде заметок путешественника, выглядит для современного читателя скорее драматичной, во всяком случае, не внушавшей оптимизма. Богатый край оказался вне интересов тогдашней российской власти и испытывал трудности, выхода из которых автор статьи для себя со всей очевидностью не представлял. Однако тон изложения материала, поднятые негативные проблемы, не вызвали интереса у военной и гражданской цензуры. Статья без цензорских изъятий поступила в печать, разрушая представление о том, что цензор испытывал нескрываемое или плохо скрываемое удовлетворение от того, что он уничтожил очередной газетный текст.

Российские властные структуры в условиях Первой мировой войны уже отчетливо представляли роль газет и журналов в качестве одного из важных факторов воздействия на общественное сознание, видели в них проводников необходимых настроений как внутри страны, так и за ее пределами. Однако при этом в рядах различных чиновников сохранялись противоречивые взгляды на природе газет. Одни испытывали «деловое беспокойство» и старались защищать через печать взгляды, которых сами придерживались, стремились к популярности среди читателей, другие – наоборот хотели не предавать публичности просчеты в своей деятельности.

В этих условиях ст. 31 Временного положения о военной цензуре выступала в качестве одной из форм государственного влияния на распространяемую в стране информацию. Главное ее назначение сводилось к мобилизации общественного согласия, а через нее – к одобрению правительственных мер. Однако анализ конкретных примеров использования этой статьи военно-цензурного законодательства не позволяет в полной мере объективно дифференцировать официальную коммуникационную политику, определить ее внутреннюю динамику развития, поскольку доминирующей основой обращения к 31 статье Положения, носителем политики государства выступал конкретный цензор, по-своему пони-

мавший и чаще всего педантично следовавший формальному соблюдению инструкций.

Убедительным примером сказанному может служить жалоба редактора петроградской «Маленькой газеты» на имя начальника Петроградского военного округа на военного цензора, который из статьи «Ответы на вопросы» вычеркнул слово «социализм»: «...военная цензура, вероятно, по традиционной опасливости к слову "социализм" вычеркнула его и тем лишила всякого содержания статью, написанную открыто и явно против социализма, как он те-

перь втолковывается массам», – заявлял редактор. Начальник округа на это в своей резолюции после прочтения статьи отмечал: «Конечно, зачеркнуто неразумно. Не вижу препятствий к полному восстановлению» [14, д. 45, л. 61].

Этот эпизод был типичным для действий военных цензоров, но не характерным для действий печати, которая не считала возможным каждый раз обращаться в вышестоящие инстанции и предпочитала мириться с существовавшей ситуацией, обходя цензурные запреты своими собственными методами.

Список литературы

1. Батулин П.В. Перечни военной цензуры 1912–1923 гг. // Ленинградский юридический журнал. 2012. № 4 (30). С. 152–165.
2. Блохин В.Ф. О вреде «вредного направления» (начальный этап реализации новой государственной модели управления печатью в 60-е гг. XIX в. // Вестник молодых ученых. Серия: Исторические науки. 2007. № 4. С. 109–115.
3. Богомолов И.К. Государственная Дума и цензурная политика в годы Первой мировой войны // Российская история. 2022. № 4. С. 96–117.
4. Винницкий Н. Читинские впечатления // Новое время. 1916. № 14454. 3 июня.
5. Волковский Н.Л., Лаврук П.П. Первая мировая война 1914–1918 гг.: инструменты контроля и управления информацией в России // Цензура в России: история и современность. Сборник научных трудов. СПб., 2019. Вып. 9. С. 152–196.
6. Государственный архив Брянской области (ГАБО). Ф. 2. Оп. 1.
7. Луман Никлас. Реальность массмедиа. М.: Практикс, 2005. 256 с.
8. Минский голос. 1916. № 2017. 15 марта.
9. Орловский вестник. 1916. № 36. 14 февраля.
10. Патрушева Н.Г. Цензурное ведомство в государственной системе Российской империи во второй половине XIX – начале XX века. М., 2013. С. 353–355.
11. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2003. Оп. 2.
12. РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1.
13. РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1.
14. РГВИА. Ф. 1343. Оп. 6.
15. РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1.
16. Российский государственный исторический архив (РГИА) [Russian State Historical Archive]. Ф. 778. Оп. 1.
17. Сидоров А. Из записок Московского цензора (1909–1917) // Голос минувшего. 1918. № 1-3. С. 93–114.
18. Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем сенате. 20 июля 1914 г. Отдел первый. № 192. Ст. 2057 Об утверждении временного положения о военной цензуре.

REALIZATION OF A NEW STATE MODEL PRESS MANAGEMENT IN THE CONDITIONS OF THE FIRST WORLD WAR (1914-1918)

The author of the article shows the opportunities that the periodical press had during the First World War. At the same time, the attention is focused not on the formation of its judgments about the most significant and topical problems, events and facts, but on issues related to the peculiarities of the relationship between the press and the military censorship. Obviously, following the authorities, the employees of the censorship department clearly recognized the role of newspapers and magazines as one of the important factors of influence on public consciousness, and saw in them the conductors of necessary sentiments. Military censorship acted as a tool with the help of which an attempt was made through periodicals to construct or at least correct the nature of existing attitudes and assessments. The article uses specific examples to show the mechanism

that allowed Russian censorship in the conditions of war to go beyond its main purpose of preserving military secrecy by correcting the existing social relations. If its first function did not cause objections in society and was supported by the press, both the Russian press and the State Duma opposed the inevitable costs caused by attempts to shape public sentiment.

Keywords: Russian Empire, World War I, State Duma, periodicals, Provisional Provision on Military Censorship, military censorship, public opinion.

References

1. Batulin P.V. (2012) Perechni voennoj cenzury 1912–1923 gg. [Military censorship lists 1912–1923] // Leningradskij juridicheskij zhurnal [Leningrad Law Journal]. 2012. № 4 (30). S. 152–165.
2. Blohin V.F. (2007) O vrede «vrednogo napravleniya» (nachal'nyj etap realizacii novyj gosudarstvennoj modeli upravleniya pechat'yu v 60-e gg. XIX v. [On the harm of "harmful direction" (the initial stage of realization of the new state model of press management in the 60s of the XIX century)] // Vestnik molodyh uchenyh [Bulletin of Young Scientists]. Seriya: Istoricheskie nauki. 2007. № 4. S. 109–115.
3. Bogomolov I.K. (2022) Gosudarstvennaya Duma i cenzurnaya politika v gody Pervoj mirovoj vojny [The State Duma and censorship policy during the First World War] // Rossijskaya istoriya [Russian history]. 2022. № 4. S. 96–117.
4. Vinnickij N. (1916) CHitinskie vpechatleniya [Chita impressions] // Novoe vremya [New Times]. 1916. № 14454. 3 iyunya.
5. Volkovskij N.L., Lavruk P.P. (2019) Pervaya mirovaya vojna 1914–1918 gg.: instrumenty kontrolya i upravleniya informaciej v Rossii [World War I, 1914–1918: Instruments of control and information management in Russia] // Cenzura v Rossii: istoriya i sovremennost'. Sbornik nauchnyh trudov [Censorship in Russia: History and Modernity. Collection of scientific papers]. SPb., 2019. Vyp. 9. S. 152–196.
6. Gosudarstvennyj arhiv Bryanskoj oblasti [State Archive of the Bryansk Region] (GABO). F. 2. Op. 1.
7. Luman Niklas (2005). Real'nost' massmedia. [The reality of mass media]. M.: Praxis, 2005. 256 s.
8. Minskij golos [Minsky voice]. 1916. № 2017. 15 marta.
9. Orlovskij vestnik [Oryol Gazette]. 1916. № 36. 14 fevralya.
10. Patrusheva N.G. (2013) Cenzurnoe vedomstvo v gosudarstvennoj sisteme Rossijskoj imperii vo vtoroj polovine XIX – nachale HKH veka. [The Censorship Department in the State System of the Russian Empire in the Second Half of the XIX – Early XX Century]. M., 2013. S. 353–355.
11. Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv (RGVIA) [Russian State Military History Archive]. F. 2003. Op. 2.
12. RGVIA. F. 2019. Op. 1.
13. RGVIA. F. 2031. Op. 1.
14. RGVIA. F. 1343. Op. 6.
15. RGVIA. F. 2067. Op. 1.
16. Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv (RGIA) [Russian State Historical Archive]. F. 778. Op. 1.
17. Sidorov A. (1918) Iz zapisok Moskovskogo cenzora (1909–1917) [From the Notes of the Moscow Censor (1909–1917)] // Golos minuvshago [Voice of the past]. 1918. № 1–3. S. 93–114.
18. Sobranie uzakonenij i rasporyazhenij pravitel'stva, izdavaemoe pri Pravitel'stvuyushchem senate. 20 iyulya 1914 g. [Collection of laws and orders of the government, published under the Governing Senate. July 20, 1914]. Otdel pervyj. № 192. St. 2057 Ob utverzhdenii vremennogo polozheniya o voennoj cenzure.

Об авторе

Блохин Валерий Федорович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории Брянского государственного университета, E-mail: blohin.val@yandex.ru

Blokhin Valeriy Fedorovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of National History, Bryansk State University, E-mail: blohin.val@yandex.ru